

Степченко Виталий Алексеевич

И. С. АКСАКОВ ОБ ИЗМЕНЕНИИ ОТНОШЕНИЙ ПОМЕЩИКОВ И КРЕСТЬЯН 40-60-Х ГГ. XIX В. В РОССИИ

В статье рассматриваются взгляды известного славянофила и общественного деятеля середины XIX в. И. С. Аксакова на процесс изменения социально-экономических и морально-нравственных отношений помещиков и крестьян в 40-60-е гг. XIX в. в России. На основе сочинений И. С. Аксакова выделяются различные пути трансформации отношений помещика и крестьянина, разнообразные варианты переплетения старых феодальных и новых капиталистических отношений.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2014/9-1/41.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 9 (47): в 2-х ч. Ч. I. С. 154-158. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2014/9-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

12. Сиротин С. В. Курган № 11 курганного могильника Переволочан в Зауральской Башкирии // Археология и палеоантропология евразийских степей и сопредельных территорий: материалы и исследования по археологии России. М.: Таус, 2010. № 13. С. 323-337.
13. Смирнов К. Ф. Савроматская и раннесарматская культура // Археология СССР. Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время / ред. А. И. Мелюкова. М.: Наука, 1989. С. 165-177.
14. Таиров А. Д., Боталов С. Г., Плешанов М. Л. Исследования курганного могильника Кичигино в 2007 году (предварительные результаты) // Ранние кочевники Волго-Уральского региона: материалы международной научной конференции «Ранние кочевники Южного Приуралья в свете новейших археологических открытий» (г. Оренбург. 21-25 апреля 2008 г.) / ред. Л. Т. Яблонский. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2008. С. 139-145.
15. Таиров А. Д., Гаврилюк А. Г. К вопросу о формировании раннесарматской (прохоровской) культуры // Проблемы археологии Урало-Казахстанских степей / ред. Г. Б. Зданович. Челябинск: Изд-во Башкирского ун-та, 1988. С. 141-159.
16. Яблонский Л. Т. Новые раскопки в Казахстане и проблема формирования раннесарматской культуры // Мат-лы междунауч. конф. «Археология Казахстана в эпоху независимости: итоги и перспективы», посвященной 20-летию Республики Казахстан и 20-летия института археологии им. А. Х. Маргулана (12-15 декабря 2011 г., г. Алматы). Алматы, 2011. Т. 2. С. 59-64.
17. Яблонский Л. Т. Погребальный обряд ранних кочевников Приуралья переходного времени и вопросы археологической периодизации памятников // Погребальный обряд ранних кочевников Евразии: мат-лы и исследования по археологии юга России / ред. Л. Т. Яблонский, С. И. Лукьяшко. Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2011. Вып. III. С. 235-240.

SEPOLCHRAL CONSTRUCTIONS OF BARROW № 12 OF BURIAL GROUND PEREVOLOCHAN I

Sirotin Sergei Viktorovich, Ph. D. in History, Associate Professor
Bashkir State University (Branch) in Sterlitamak
kurgan70@mail.ru

In the article the review of the sepulchral constructions and structural peculiarities of barrow № 12 of the burial ground Perevolochan I (southeastern Bashkiria) examined in 2007 is given. The issues of planigraphy and the organization of the sepulchral space of this complex in respect to the elite barrows of the early nomads of South Ural region are considered. It is ascertained that barrow № 12 has the features of social-prestigious type and can be referred to the complexes of the nomadic élite of South Ural steppes of the end of the V – IV century BC.

Key words and phrases: South Ural region; early nomads; obsequial rite; barrow; dromos burials; kerf-catacomb burials.

УДК 940.2

Исторические науки и археология

В статье рассматриваются взгляды известного славянофила и общественного деятеля середины XIX в. И. С. Аксакова на процесс изменения социально-экономических и морально-нравственных отношений помещиков и крестьян в 40-60-е гг. XIX в. в России. На основе сочинений И. С. Аксакова выделяются различные пути трансформации отношений помещика и крестьянина, разнообразные варианты переплетения старых феодальных и новых капиталистических отношений.

Ключевые слова и фразы: помещики; крестьяне; помещичье хозяйство; крепостное право; социально-экономические и морально-нравственные отношения.

Степченко Виталий Алексеевич

Омский государственный университет путей сообщения
step-vit@mail.ru

И. С. АКСАКОВ ОБ ИЗМЕНЕНИИ ОТНОШЕНИЙ ПОМЕЩИКОВ И КРЕСТЬЯН 40-60-Х ГГ. XIX В. В РОССИИ[©]

Два последних десятилетия перед отменой крепостного права в России являются крайне сложными для понимания историков. В русском обществе происходят сложные и неоднозначные процессы разложения феодально-крепостнического способа производства, появления новых хозяйственных укладов, взаимодействия и взаимовлияние социально-экономических и морально-нравственных факторов при переходе России от феодализма к капитализму. Большую роль в этом играет изменение взаимоотношений помещиков и крепостных крестьян. Эти отношения меняются вместе с изменением экономики и других сфер жизни.

В изучении трансформации отношений помещиков и крестьян полезен взгляд на эту проблему осведомленного и образованного современника, который имел возможность непосредственно наблюдать и осмысливать ее, привлекая при этом большое количество фактического материала.

И. С. Аксаков – видный публицист и общественный деятель славянофильского направления 40-80-х гг. XIX в. В сферу его обширных интересов в том числе входило и рассмотрение всех сложностей отношений крестьян и помещиков. Сам он по христианским и морально-этическим соображениям крепостных крестьян не имел, но у его отца, известного писателя Сергея Тимофеевича Аксакова, было больше тысячи душ крепостных.

Отношения между отцом и сыном были близкими и доверительными, поэтому на основании их многочисленных писем друг другу можно с уверенностью сказать, что И. С. Аксаков знал о проблемах в отношениях помещиков и крестьян из первых уст.

Кроме этого, за плечами у И. С. Аксакова была десятилетняя служба в различных ведомствах, в частности, в Министерстве внутренних дел он служил чиновником по особым поручениям, где по служебной необходимости и по личной инициативе разбирали споры между крестьянами и помещиками. Во время своей служебной деятельности он объехал почти всю европейскую часть Российской империи, в своих подробных письмах (по сути, дневниках) фиксируя особенности развития отношений между помещиками и крепостными в различных регионах страны.

Отказать И. С. Аксакову в компетентности и знании данного вопроса нельзя еще и потому, что он на протяжении двадцати лет был главным редактором крупных еженедельных славянофильских газет «День», «Москва» и «Русь». К нему в редакцию приходили тысячи писем как от помещиков, так и от крестьян, где они описывали существующее положение дел в деревне. Поэтому недостатка в фактическом материале у Аксакова не было. Особенный интерес тема взаимоотношений крестьян и помещиков приобрела в преддверии отмены крепостного права. Причем в своих статьях, письмах и дневниках внимание Ивана Сергеевича Аксакова особенно привлекают те новшества, которые появляются в отношениях крестьян и помещиков, изменение настроений тех и других, видение ими будущей крестьянской реформы.

Таким образом, оценка И. С. Аксаковым изменения отношений помещиков и крестьян представляется весьма интересной с научной точки зрения. Несмотря на то, что Аксаков был дворянином, к крепостным он, как и все Аксаковы, относился с большим уважением и любовью. Поэтому его симпатии изначально больше на стороне крестьян, нежели помещиков.

Перейдем к рассмотрению отношений помещика и крепостного крестьянина в изображении И. С. Аксакова, зафиксируем изменения, ярко прослеживаемые в два предреформенных десятилетия. Весьма интересным для историка-исследователя будет отношение Аксакова к отцовским крепостным, изложенное в его письмах к родным.

Для И. С. Аксакова было прописной истиной, что тяжесть крепостного права зависит от личности помещика [7, с. 405]. «Я не спорю, что помещик помещику рознь, но все же общий характер помещичьей жизни гадкий, действительность отвратительна и гнусна», – писал Аксаков еще в свои молодые годы отцу [8, с. 903]. Кроме того, что тяжесть крепостного права зависит от личности помещика, он обращает внимание на то, что отношения зависят и от местности. Эти особенности, по мнению Аксакова, также хорошо видны, как и разные точки зрения помещиков черноземных и нечерноземных губерний на условия освобождения крестьян от крепостного права [7, с. 405].

Сразу следует сказать, что крепостное право Аксаков не рассматривает как исключительно выгодное для помещиков и исключительно невыгодное для крестьян. Помещик (в широком смысле слова как некий институт, на месте помещика мог быть приказчик или просто доверенное лицо) не только эксплуатировал труд крестьянина, но и помогал во время неурожая и голода, защищал в судах, перед полицией, не давал ростовщическому капиталу закабалить крестьянина [1, с. 526; 10, с. 104]. Важность помещичьей помощи особенно ярко проявилась после отмены крепостного права, когда крестьяне, уже не имея возможности получить помощь от помещика, вынуждены были продавать свой рабочий скот, а иные вообще «пошли побираться» [9, с. 594-595]. Такую информацию Аксаков дает на основе многочисленной корреспонденции из провинций [Там же].

Также И. С. Аксаков упоминает, что отцу приходилось выдавать ссуды крестьянам во время неурожая, а так как неурожай повторялись систематически, помощь помещика не была редкостью [2, с. 30]. Его отец, С. Т. Аксаков, в письмах неоднократно говорит, что крестьянам часто приходится помогать [Там же, с. 145].

И. С. Аксаков четко понимает на примере хозяйства отца и многих других, им виденных, что отношения меняются, и сообщает отцу об этом: «Отношения помещика с крестьянами с каждым годом расстраиваются, а это может привести к тому, что помещик останется без куска хлеба. –Фак» – оставлять нельзя, прежние способы управления становятся теперь невозможными и прежние отношения расклеиваются. Теперь ни Куроедов (помещик-деспот в —Семейной хронике»), ни Степан Михайлович (прадед И. С. Аксакова) не навел бы страха на крестьян» [Там же, с. 287].

В приведенном письме И. С. Аксаков отмечает, что крестьянин перестает бояться помещика. Он предлагает отцу не сбавлять крестьянам оброк (он и так был невелик – 3 рубля в год, это при том, что средний оброк в середине XIX в. в Оренбургской губернии составлял 10,6 рублей, а общей тенденцией было его неуклонное повышение) [12, с. 17], чтобы они не стали требовать еще больших уступок, а вести по отношению к ним жесткую политику [2, с. 287]. Сын советует отцу нанять управляющего со стороны, так как нынешний управляющий – сам крестьянин из этой же деревни. По наблюдению И. С. Аксакова, крестьяне при любой возможности стараются «сработать» на помещика как можно меньше и хуже. Без принуждения или полюбовного договора их невозможно заставить работать на барина. Поэтому необходимо, чтобы управляющий, не обижая крестьян, соблюдал бы интересы С. Т. Аксакова, заставив крестьян работать честно и в необходимом объеме. По мнению И. С. Аксакова, управляющий из крестьян не может этого сделать, так как боится обычного русского мщения – поджога [Там же, с. 297-298].

Отец отвечает сыну, что действовать с крестьянами жестче было бы хорошо, «да в нынешнее время уже невозможно» [Там же]. С. Т. Аксаков как человек, в молодости занимавшийся хозяйством в деревне, говорит, что менять положение дел в их имении необходимо не заочно, а лично. Но у него самого уже нет сил, а его сыновья Константин и Иван «оба не годятся» [Там же]. А по поводу Степана Михайловича (прадеда И. С. Аксакова) С. Т. Аксаков говорит, что он «отлично бы годился, да между нами он невозможен теперь» [Там же]. С. Т. Аксаков отмечает, что время людей масштаба и силы воли Степана Михайловича Аксакова безвозвратно

прошло, а современные условия не предполагают те ценности и жестокие методы их реализации, которые существовали у грозного прадеда.

И это очень показательный момент: прежние принципы отношений помещика и крестьянина отживают, уходят в прошлое. Крестьяне перестают бояться помещика. Это происходит не только потому, что крестьяне «осмелели», но и потому, что помещики в выстраивании отношений перестают ставить страх на первое место. И. С. Аксаков отмечает, что даже лакеи ведут себя так, как это было просто невыносимо несколько десятков лет назад [Там же, с. 334].

Аксаков в письме к отцу от 1855 г. пишет, что, по многим разговорам и письмам из Петербурга, холопство жалеет о прежнем строгом барине, который везде держал его в страхе, зато, бывало, иногда милостиво фамильярничал. Теперь новый барин не фамильярничает, но и не унижает людей «подлым страхом». Но старым лакеям кажется величайшим развратом, что новые не затянuty в струнку и не знают вытяжки перед барином [Там же]. В этом конкретном случае меняющиеся отношения вызывают негативную оценку самих дворовых, которые привыкли к отношениям старого, патриархального порядка. Им сложно перестроиться, так как они привыкли к страху, для них он был необходимым элементом отношений с барином. Отсутствие страха кажется им развратом, невежеством. При этом нужно учитывать, что многие из старых дворовых служили не за страх, а за совесть. А у новых дворовых такое понятие зачастую отсутствует.

И. С. Аксаков также фиксирует еще один момент – эмансипацию крестьян. Крестьянское сословие размывается, крестьяне проникают и закрепляются в тех видах деятельности, в которые раньше их либо не пускали, либо этих видов деятельности вообще не существовало. Если прежде данные явления были единичными, то к середине XIX в. они становятся массовыми. В их числе такие земледельческие промыслы как торговое огородничество вблизи крупных городов, ориентированное на рынок [Там же, с. 147].

Среди неземледельческих промыслов преобладает рассеянная мануфактура, «домашнее ремесло», как называет это И. С. Аксаков, когда крестьяне сами покупают пряжу (или ее доставляет скупщик), работают на своих домашних станках и ткут различные бумажные ткани. Затем они отдают их на покраску, после чего оптом сдают фабриканту, лично либо через посредника (купца или крестьянина) продают на ярмарках [11, с. 66-67, 72, 77].

Наряду с рассеянной мануфактурой весьма распространенным и массовым явлением был сезонный отход, часто переходящий в длительный, а затем и постоянный. Из-за аграрного перенаселения и необходимости выплачивать денежный оброк помещику с каждым годом все большее количество крестьян уходило из деревни работать на фабрики и заводы [5, с. 431-432]. Часть из них отправлялась в крупные города на заработки в качестве извозчиков. Согласно И. С. Аксакову, подводный промысел был настолько развит, а крестьян-извозчиков было так много, что крестьяне объединялись в артели [11, с. 86-88]. Другие крестьяне, пришедшие в город, находили работу в строительном деле, трактирах, были чернорабочими [3, с. 865].

По наблюдению И. С. Аксакова, крепостные крестьяне, приходившие в города, где проходили крупные ярмарки, могли стать разносными торговцами – офенями, коробейниками. Они активно «пользовались кредитом», тем, чем их хозяева пользоваться боялись [11, с. 69]. В сфере разносной торговли крестьяне тоже трудились в артелях [Там же, с. 83-86]. Иные занимались перекупкой товаров [2, с. 65]. Крестьяне-капиталисты, подобно купцам, создавали целую систему приказчиков, помощников, которые выполняли их поручения. Аксаков пишет, что у разбогатевшего крестьянина, занимавшегося торговлей, могло быть до восьми приказчиков [11, с. 84]. Особо умелые крестьяне, успешно работавшие в сфере торговли, нередко выбивались в сословие купцов [6, с. 667]. Если такие купцы успешно богатели, их дело могло настолько разрастись, что они выстраивали целую систему, во главе которой был сам купец, непосредственно у него в подчинении находились счета (так называли приказчиков). У этих приказчиков, в свою очередь, в подчинении могли находиться десятки «ребят» (офени, коробейники, коробочники, словом, мелкие торговцы-разносчики, которые проникали даже в самые отдаленные деревни). В итоге в подчинении одного крупного купца могло состоять до 800 человек торговцев разного калибра [11, с. 85].

И. С. Аксаков также усматривает изменение отношений помещиков и крестьян в том, что разбогатевшие крестьяне-капиталисты эксплуатируют бедных крестьян, выкупая их на волю у помещиков. Но отпускные остаются в руках богатого мужика. Он же покупает по купчей крепости земли и усадьбы крестьян. Хотя выкупленные крестьяне свободны, но не имеют права на землю. А новый владелец «дерет с них безжалостно» за их выкуп и за землю помещика [2, с. 140]. Здесь же Аксаков приводит ситуации, когда разбогатевшие крестьяне за свои деньги покупают на имя помещика целые деревни, которые платят за них оброк и поставляют за них рекрутов при всяком рекрутском наборе. Помещики нередко брали с богатых крестьян большие деньги за откуп от рекрутства, а по своей воле отдавали в рекруты бедных или провинившихся крестьян. Данный пример развеивает славянофильские иллюзии о святости крестьянской общины. При возможности зажиточные крестьяне беспринципно и немилостиво эксплуатировали своих братьев, хотя и не имели на это права. Зажиточные крестьяне получали от такой эксплуатации двойную выгоду: во-первых, они получали рабочую силу, которую могли использовать по собственному желанию. К тому же они имели возможность заставить должника отрабатывать на себя гораздо больше, чем тот в реальности задолжал. Во-вторых, эксплуатируя бедного крестьянина, зажиточный крестьянин ставил помещика в определенную зависимость от себя. Помещик уже не мог обращаться с зажиточным крестьянином как хотел, так как от последнего зависела выплата определенной доли оброка, часто весьма значительная. Этот же зажиточный крестьянин, по сути, брал под опеку бедных, ленивых или пьющих крестьян и гарантировал, что они будут работать, пусть даже при использовании насильственных методов. Если бы зажиточный крестьянин ими не занимался, помещику пришлось бы заставлять их работать своими силами, на что надо тратить дополнительные средства. Такая ситуация приводила к тому, что зажиточный крестьянин, получая собственную выгоду, еще и негласно откупался от неправомερных действий со стороны помещика.

Был возможен и другой вариант подобных взаимоотношений. Помещик мог отправлять на различного рода промышленные заведения, имевшиеся в его деревне, провинившихся крестьян. Владельцами этих предприятий были зажиточные крестьяне. Они заставляли провинившихся работать. Помещик фактически был совладельцем предприятия, использовал его в своих целях [Там же, с. 141].

Подобные вещи также являются проявлениями изменений в отношениях помещиков и крестьян. Помещик понимает, что он уже не полновластный хозяин, который может карать и миловать по своему усмотрению. Он вынужден считаться с богатыми крестьянами, которые подминают под себя общину. И со стороны помещика они получают поддержку, так как у самого помещика нет времени, средств, а главное – желаний лично помогать выживать бедным крестьянским хозяйствам. Причем помещик к меняющимся условиям в основном старается приспособиться именно за счет крестьян.

И. С. Аксаков в этой связи говорит о том, что в ситуации, когда помещичье хозяйство становится нежизнеспособным, разлагается, на его место приходят новые формы [4, с. 639]. Появляются богатые крестьяне-капиталисты, которые, по сути, занимают место помещика. Это отношения нового, капиталистического характера, но они поставлены на феодальную основу – крепостное право, пусть и в таком причудливом виде.

Удивителен сам факт того, что помещики признают за богатыми крестьянами права – то, чего ранее в принципе не было. Права заменяли традиции взаимоотношений крестьян и помещиков, но сами эти традиции предполагали, что никаких прав у крестьянина нет, как только выполнять волю помещика. В XIX в. помещики из-за возросшей потребности в деньгах все-таки признают определенные права богатейшей части своих крестьян: свобода предпринимательской деятельности, возможность фактически владеть крепостными, исключительное право откупаться от рекрутства. Да и само появление богатых крестьян возможно только в условиях втягивания крестьянских хозяйств в рыночные отношения, ведь эти крестьяне разбогатели, работая на рынок.

Конечно, И. С. Аксаков не объясняет все это подобным образом, он просто фиксирует данные явления как нечто новое, «новую проделку помещиков» [2, с. 141], но это есть отражение социально-экономических процессов, происходивших в тогдашнем обществе.

Итак, Иван Сергеевич Аксаков обращает внимание на изменение отношений между помещиком и крестьянами, указывает, в чем конкретно эти изменения заключаются. Факт крестьянского отхода, по крайней мере, делающего крестьянина на какое-то время в определенном смысле недостижимым для помещика, уже сам по себе разрушает прежние отношения. Чем больше помещичье хозяйство втягивается в рыночные отношения посредством переориентирования хозяйства на рынок, крестьянского отхода, тем больше крепостное право начинает ослабевать. Крестьяне-отходники вырываются из-под опеки помещика, материально становятся более самостоятельными и независимыми. Одновременно меняется и их самосознание. Страх перед помещиком становится меньше. В то же время и сами помещики начинают вести себя по-другому. Меняются их отношения с основной массой крестьян. С одной стороны, помещики уже не ведут себя так жестко, как раньше, перестают ставить насилие на первое место. С другой стороны, помещики, нуждаясь в деньгах, пользуются своей неограниченной властью и постоянно повышают эксплуатацию крестьян. Но наиболее сильно изменяются отношения помещиков с богатейшей частью крестьянства, за которой душевладельцы вынуждены признавать определенные права в обмен на соблюдение своих интересов в деревне.

Все это неизбежно ведет к конфликтам и противоречиям, которые вполне осознавал и И. С. Аксаков. Таким образом, видение И. С. Аксаковым изменения отношений помещиков и крестьян позволяет взглянуть на сложные социально-экономические и морально-нравственные процессы в русской деревне середины XIX в. глазами осведомленного современника.

Список литературы

1. Аксаков И. С. Застой у нас происходит от того, что решали исторический вопрос, не вооружаясь историческим сознанием // Аксаков И. С. Отчего так нелегко живется в России? М., 2002. С. 523-530.
2. Аксаков И. С. Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. Эпистолярный дневник 1838-1886 гг.: в 3-х т. М., 2004. Т. 2. Письма 1849-1857 гг. 576 с.
3. Аксаков И. С. О расколе и об единоверческой церкви в Ярославской губернии // Аксаков И. С. Отчего так нелегко живется в России? М., 2002. С. 864-874.
4. Аксаков И. С. О финансовом положении России в начале 1862 г. // Аксаков И. С. Отчего так нелегко живется в России? М., 2002. С. 635-641.
5. Аксаков И. С. Об отсутствии духовного содержания в американской народности // Аксаков И. С. Отчего так нелегко живется в России? М., 2002. С. 431-440.
6. Аксаков И. С. Отношение между школой и жизнью в России // Аксаков И. С. Отчего так нелегко живется в России? М., 2002. С. 664-670.
7. Аксаков И. С. Отчего Тамбовская губерния о себе не говорит // Аксаков И. С. Отчего так нелегко живется в России? М., 2002. С. 402-410.
8. Аксаков И. С. Письмо С. Т. Аксакову // Аксаков И. С. Отчего так нелегко живется в России? М., 2002. С. 900-910.
9. Аксаков И. С. По поводу пятого предостережения газете «Москва» // Аксаков И. С. Отчего так нелегко живется в России? М., 2002. С. 586-596.
10. Аксаков И. С. Статья, предназначенная к помещению в третьем номере газеты «Парус» // Аксаков И. С. Отчего так нелегко живется в России? М., 2002. С. 102-106.
11. Аксаков И. С. Украинские ярмарки // Аксаков И. С. Отчего так нелегко живется в России? М., 2002. С. 43-93.
12. Зобов Ю. С. Помещичье хозяйство и крепостные крестьяне Оренбургского края в первой половине XIX в.: автореф. дисс. ... к.и.н. М., 1976. 24 с.

I. S. AKSAKOV ABOUT CHANGING THE RELATIONS OF LANDOWNERS AND PEASANTS IN THE 40-60S OF THE XIX CENTURY IN RUSSIA

Stepchenko Vitalii Alekseevich
Omsk State Transport University
step-vit@mail.ru

The article considers the views of the famous Slavophile and public figure of the middle of the XIX century I. S. Aksakov on the process of changing the social-economic and moral and ethical relations of landowners and peasants in the 40-60s of the XIX century in Russia. On the basis of the works by I. S. Aksakov the author distinguishes different ways for the transformation of the relations of the landowner and the peasant, different variants of the interaction of old feudal and new capitalist relations.

Key words and phrases: landowners; peasants; estate; serfdom; social-economic and moral and ethical relations.

УДК 37.373.32

Исторические науки и археология

Статья раскрывает важнейшие аспекты и механизмы государственной политики в сфере народного образования начала XX века. Автор изучает источники финансирования начального образования в Оренбургской и Уфимской губерниях, рассматривает частную инициативу и ходатайства учительства по открытию новых начальных учебных заведений. Особое внимание уделяется государственному кредитованию, благодаря которому увеличилась школьная сеть, и начальное образование стало более доступным для населения.

Ключевые слова и фразы: образование; начальная школа; государственная политика; Министерство народного просвещения; органы местного самоуправления; Южный Урал.

Суворова Анна Викторовна, к.и.н.
Южно-Уральский государственный университет
Annsu2006@ya.ru

СОЗДАНИЕ СЕТИ НАЧАЛЬНЫХ ШКОЛ ЮЖНОГО УРАЛА В НАЧАЛЕ XX ВЕКА[©]

Проблемой изучения начального образования и государственной политики в области народного просвещения в России начала XX века занимались В. С. Боже [4], Т. М. Аминов [2], В. Ф. Абрамов [1], Н. Е. Архипова [3], А. И. Кошелева [12], В. И. Тетерин [18], Р. В. Яценко, И. Н. Наумов, А. В. Соловьева [22] и др. Данная сфера еще недостаточно изучена, в связи с чем автор ставит перед собой задачу раскрыть отдельные аспекты создания школьной сети на Южном Урале в рамках осуществления перехода к всеобщему начальному образованию в указанный период.

Начало XX века ознаменовалось бурным экономическим развитием Оренбургской и Уфимской губерний. Промышленному и аграрному секторам необходимы были образованные люди. Но развитие школьной сети сдерживалось недостатком финансовых средств. До открытия III Государственной Думы земства действовали в сфере начального образования, не получая практически никаких казенных субсидий, размер государственной помощи никогда не достигал 1 млн руб. в год. Государство предпочитало финансировать в земских губерниях независимую сеть «министерских» училищ и церковно-приходские школы. В 1905 г. на содержание начальных училищ всех ведомств было израсходовано 65,0 млн руб.; казна несла 26,1% расходов, земства – 25,1%, города – 14,9%, крестьянские общества – 13,9%, пожертвования дали 10% расходов, а плата за обучение (взимавшаяся только в городских училищах) – 5% [10, с. 67]. Система начального образования была представлена школами Министерства народного просвещения, земскими и воскресными учебными заведениями, а также сельскими и городскими церковно-приходскими училищами.

Весомую роль в развитии начального образования г. Челябинска играло Общество попечения о начальном образовании. Оно способствовало открытию новых школ, помогало существующим, выдавая пособия учащимся и преподавателям, снабжало книгами и пособиями беднейших учеников, устраивало народные чтения, книжные склады, открывало библиотеки, читальни и прочее. О возрастании расходов на начальное образование свидетельствуют следующие данные: в 1900 г. Общество попечения потратило 795 руб., в 1902 г. – более 1 321 руб., в 1909 г. – свыше 2 717 руб., смета, представленная на 1911 г. предполагала 2 200 руб. [15, с. 47].

Существенное изменение в развитии школьной сети связано с принятием закона «Об отпуске 6 900 000 рублей на нужды начального образования», вступившего в силу 3 мая 1908 г. [13, с. 58]. Он создал финансовую базу для расширения сети начальных школьных учреждений, которые бы в дальнейшем обеспечили переход к всеобщему начальному образованию. Реализация закона от 3 мая 1908 г. предполагала увеличение числа начальных школ. На средства из государственного бюджета планировалось не только строительство новых школьных учреждений, но и ремонт зданий уже существовавших школ.

Инспектор уездного училищного совета г. Оренбурга, руководствуясь законом «Об отпуске 6 900 000 рублей на нужды начального образования», в январе 1914 г. выделил дополнительные средства в размере 30 рублей